

Наринэ Абгарян

представляет

ПРИВОДЯ
ДЕЛА
В ПОРЯДОК

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
П75

Серия «Люди, которые всегда со мной»

Иллюстрация на обложке: *Александр Заварин*

В оформлении макета использованы
иллюстрации *Юлии Межовой*

П75 **Приводя дела в порядок:** сборник рассказов / сост.
Наринэ Абгарян. — Москва: Издательство АСТ,
2017. — 318, [1] с. — (Люди, которые всегда со мной).

ISBN 978-5-17-102184-9

Перед вами сборник хорошей мужской прозы.

Убедительной, сильной, настоящей. Резкой и смешной,
доброй — и совсем наоборот, не считающейся с вашими
чувствами. Главное, что объединяет рассказы сборника
«Приводя дела в порядок» — это совершенно особый
взгляд авторов на этот разный, иногда невыносимый, но,
безусловно, прекрасный мир.

Приятного вам чтения.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

© Авторы, тексты, 2015
© Наринэ Абгарян, составление, 2015
© Юлия Межова, иллюстрации, 2015
© Александр Заварин, обложка, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ОТ АВТОРА

Несколько лет назад я взялась вывешивать на своей странице в ЖЖ рассказы. Это были смешные истории-воспоминания о моем детстве. Однажды я получила письмо от Ирины Епифановой, ставшей впоследствии моим бессменным редактором. Она писала о том, что ссылку на мою страницу показала ей писатель Лара Галль. Что в издательстве «Астрель-СПб» посоветовались и решили выпустить мои рассказы отдельной книгой. И что если я не против...

Я, конечно же, была не против. И в 39 лет, неожиданно для себя, стала писателем.

В виртуальном пространстве много талантливых людей — художников, музыкантов, писателей. Некоторые из них добиваются известности сами, другие, в силу природной робости или банальной неуверенности в себе, так и остаются запертыми в блоге. Мне кажется, обязанность каждого из нас — сделать всё от себя зависящее, чтобы помочь их творческой реализации.

Я составила три сборника рассказов, куда отбирала произведения авторов, на мой взгляд, талантливых и одарённых. Этим я отдала свой долг, закрыла гештальт.

Когда-то мне помогла Лара Галль, теперь я, надеюсь, помогла другим. Если кто-то положил тебе на ладонь кусочек солнца, поделись его теплом с остальными. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на себя.

Перед вами третий, и последний сборник, составленный мною. Это достойная, крепкая и убедительная мужская проза.

Я желаю вам приятного чтения.

И спасибо авторам и читателям за доверие.

Н. Абгарян

Сергей Узун

ПРИВОДЯ ДЕЛА В ПОРЯДОК

— И несмотря на то, что миру осталось всего два часа, мы всех призываем не скатываться до крайностей и соблюдать... — Диктор не договорил, что именно надо соблюдать, и разрыдался.

Семен выключил телевизор и нажал на кнопку ноутбука. Словно отвечая на прикосновение к кнопке, на улице что-то незамедлительно грохнуло, и электричество исчезло. Судя по всему, выключилось во всем районе, потому Сергей Узун мучтоуровеньшумасулицыкак-торезкопони-зился. Как будто на мир кто-то набросил толстое одеяло. Были по-прежнему слышны какие-то привычные уже крики и выстрелы, но в общем и целом стало значительно тише.

Тогда Семен попробовал дозвониться до Кузьмича. Связи толком не было последние десять дней, но иногда удавалось пробиться.

— Алло, — не приветливо сказал Кузьмич в трубку.

— Привет. Как дела? — задал идиотский вопрос Семен.

— Прекрасно, — буркнул издевательски Кузьмич. — Говори быстрее. У меня времени не так чтоб много.

— Как у всех, — сказал Семен. — Два часа. Ты, Кузьмич, у нас по кроссвордам мастер. Скажи мне, пожалуйста...

В трубке раздался громкий треск, и связь пропала. Семен, как и полагается в таких случаях, два раза прокричал «Алло!», три раза попытался продуть линию связи и выругался.

Он хотел было выйти на балкон покурить, но вовремя вспомнил о безумном снайпере из дома напротив. Тогда Семен закурил прямо в комнате, подошел к книжной полке и начал гипнотизировать корешки книг.

— Электричество исчезло, — сообщила от дверей комнаты жена Семена.

— Я заметил. И связь, — кивнул, не оборачиваясь, Семен. — Шалят сограждане напоследок. О! «Дом и семья»!

Семен достал из шкафа толстую книгу и присел на диван.

— Оооо, — протянула жена, — вспомнил! И чего ты куришь в комнате? Провоняет же все.

— Не успеет, — ответил Семен. — За два часа не успеет. Мы, помнится, в общаге месяц курили — только потом стало заметно всем.

— Пепельницу тогда возьми, — сказала супруга. — Два часа — не повод оскотиниваться совсем.

— Да, конечно, — пробурчал Семен, не отрываясь от «Дома и семьи». — Я сейчас.

— И я хотела сказать тебе — я уйду от тебя, — выпалила жена.

— Куда? — нейтральным тоном поинтересовался Семен. — Потерпела бы уж.

— Куда угодно. Хватит с меня.

«Сейчас заплачет», — пронеслось в голове Семена.

— Никакого внимания... Никакого интереса... Хоть два часа... — заплакала жена.

«Это у нее от страха, — подумал Семен. — А может, и нет».

— Это не от страха, чтоб ты знал! Я долго думала... Уйду, и... Хоть два часа...

«Сейчас меня погонит», — подумал Семен.

— А вообще, нет! Какого черта?! — сорвалась на крик супруга. — Ты уходи! Там же опасно! Будь хоть раз мужиком — уйди сам!

«Сейчас вещи побежит собирать», — подумал Семен.

— Я сейчас тебе вещи... А хотя — зачем тебе вещи?!

«Бутерброд», — понял Семен.

— Я тебе бутерброды сделаю и иди! — убежала на кухню жена.

— Нет тут ничего такого... — сказал сам себе Семен и отложил книгу. — Где ж оно было-то...

Он вновь подошел к книжному шкафу и начал перебирать книги.

— С ветчиной и с сыром! — прибежала из кухни супруга со свертком. — Четыре штуки. Иди теперь!

«Сейчас опять заплачет», — подумал Семен, взял сверток и пошел в прихожую обуваться. Под рыдания супруги он присел над парой туфель и запыхтел. Затем, не поднимая глаз, привычным жестом протянул руку.

— На! — подала обувную ложку жена. — Сколько раз говорить — расшнуровывай! Задников же не напасешься.

— Еще два часа протянут. — Семен наконец обулся и встал. — Ну... Пойду, наверное.

«Сейчас попросит что-то сказать и скотиной бесчувственной назовет».

— Скажи хоть что-нибудь, бесчувственная скотина!

«А вдруг?! — осенило Семена. — Чем черт не шутит...»

— Кстати, да, — кивнул он. — Ты не знаешь, что такое «дебаркадер»?

— Что, прости? — не поняла жена.

— Ну «дебаркадер», — пояснил Семен. — Слово слышал миллион раз, а что означает — понятия не имею. Подумал, вот сейчас, через два часа, все закончится, а я так и не знаю. Думал по Интернету посмотреть, а оно все выключилось.

— То есть, поправь меня, если я ошибаюсь, ты в энциклопедии «Дом и семья» «дебаркадер» искал? — еле заметно усмехнулась супруга.

— Других энциклопедий на полке не нашел, — улыбнулся Семен.

— А толковых словарей? — засмеялась жена.

— Ох, е! — подкинуло Семена. — Можно? Я на секундочку...

— Дебаркадер — плавучая пристань, — сообщила жена. — На понтоне такая. Ну мы летом видели на море, помнишь? Там кафе еще было.

«Ни фига себе!» — подумал Семен.

— Ни фига себе! — сказал он вслух. — Ты, оказываешься, знаешь всякие умные слова.

— Это трюизм для всех, кроме тебя, детка, — широко улыбнулась жена. — Я понимаю, что у тебя сейчас когнитивный диссонанс, но это все вызвано только твоей многолетней, перманентной идиосинক্রазией ко мне как к собеседнику. Ну и, разумеется, твоим эгоцентризмом.

— Охренеть! — подумал и прошептал одновременно Семен.

— К чему эти инвективы, милый? — победоносно поинтересовалась супруга.

— Э-э-э... Прости, пожалуйста, — замялся Семен. — Можно тебя попросить объяснить еще кое-что? У тебя есть время?

— Как у всех, — посмотрела на часы жена. — Час двадцать.

— Ну... — все никак не мог сформулировать Семен и подумал: «Сейчас простит».

— Разувайся, ладно, — смилостивилась жена. — Поговорим часок.

О ВЫСОКОМ

— Александр, как вы можете жить в своем обыденном мире? — заломила руки Зинаида. — Неужели вы не понимаете, что в мире есть что-то кроме пива, еды и этого самого...

Александр дожевывал обыденность в виде куриной ножки и с интересом взглянул на Зинаиду.

— Нет, я сейчас не про секс вовсе, — помрачнела Зинаида. — Давайте же вырвемся из этого порочного круга.

— Это ж небось и в наглаженное одеваться надо? — недовольно скривился Александр.

— А как же! — воскликнула Зинаида и кинула в Александра выглаженными штанами и безликой опрятной рубашкой.

— А киньте в меня еще и носками, душа моя, — пропыхтел Александр. — Я так понимаю — в шлепках из обыденности мы не вырвемся.

Зинаида кинула носками, бритвой, туалетной водой и еще чем-то.

— Это что за разноцветные бинты, разлюбезная Зинаида? — удивился Александр.

— Это летний шарф-галстук. Сейчас так носят, — сказала Зинаида таким тоном, что Александр сразу понял — шарф-галстук придется надеть.

Через какие-то пятнадцать минут Александр чувствовал себя свежим, красивым, помолодевшим и нелепым ботаником.

— Где же шарф, Александр?! — возмущенно округлила подведенные глаза Зинаида.

— А вот он! — Александр торжествующе достал из кармана шарф-галстук. — Со мной. Сроднились мы с ним уже.

— Ему место на шее! — совершенно справедливо заметила Зинаида. — Не портьте мне вечер, мужлан!

— Выйдем со двора — нацеплю, — твердо сказал Александр. — Потому как я сомневаюсь, что мои приятели со двора в курсе последних модных веяний и смогут удержаться от до крайности обидного для меня определения «петух». Уж и не думаю, что мордобой с моим участием позволит нам достойно вырваться из опостылевшей обыденности. Посему — только в двух кварталах от дома.

— А и шут с вами, — сдалась Зинаида. — Пойдемте срочно в другой мир. В новый и незнакомый. В мир искусства.

— Не в кабак таки, — вздохнул Александр. — Чуюло мое сердце.

Ласковым щебетом и ледяными взглядами Зинаида погнала Александра по городу на встречу с неведомым. Неведомое притаилось в каком-то промышленном здании, исписанном граффити.

— Нам точно сюда? — поинтересовался Александр, полюбовавшись на граффити. — Скажите сразу. Мне знать нужно — перепрыгивать деньги в носки или не нужно?

— Это же красиво, Александр! — закатила глаза Зинаида. — Это субкультура.

— Да вы что?! Да неужто? — удивился Александр, декламируя наиболее нецензурные из надписей.

— Ну разумеется. Это же протест! — сказала Зинаида и поволокла ошарашенного Александра ко входу.

— По триста сегодня, — объявил скучающий тип на входе.

— Зинаида, радость моя, — ласково обратился Александр, — скажите мне, пожалуйста, мы вырываемся из круга обыденности или откупаемся от него?

— Перестаньте сквалыжничать, Александр. Соответствуйте шарфу и своей женщине! — зашипела на ухо Зинаида.

— Кутить так кутить, — приуныл Александр и с тоской проследил, как шесть сотен скрываются в кармане билетера.

— Боже, как же тут хорошо! — выдохнула Зинаида уже внутри.

— Этот склад забросили лет пятьсот назад, — заметил Александр. — Нормальный кладовщик не допустил бы такого бардака.

И сплюнул в ближайшую плевательницу, чтоб показать, что манеры какие-никакие, а присутствуют.

— Что вы делаете, вандал?! — заголосил какой-то тщедушный тип в берете и в родном брате шарфа, красующегося на могучей шее Александра. — Вы же испортили всю инсталляцию!

— Чего-чего я испортил? — удивился Александр.

— Жизнь мне испортил! — прошипела Зинаида. — Это ж надо додуматься — в инсталляции плевать.

— Да это ж плевательница! — сказал Александр. — У нас на работе такие же были. Туда все плевали. Ну не все, конечно. Интеллигентные только...

— Да что вы понимаете! — заплакал тип в берете. — Плевательница... А приглядеться? А подумать? Это же символизирует открытую душу духовности! Каждый может плюнуть в душу духовности, и только здесь она защищена барьером!

Художник указал на картонный заборчик, высотой сантиметра в три, вокруг плевательницы.

— Ну... Я так и понял все,— неуверенно сказал Александр.— Мне подумалось, что пересохший харчок в эмалированном нутре духовности только добавит выразительности этой... как бишь ее...

— Инсталляции!! Инсталляции!! — завизжал художник.— Не добавит! Зачем там второй плевков?! Как я смогу это объяснить? Первый плевков — мой. Он символизировал плевков Бога в духовность, потому что Бог выше! А теперь что? Кому я теперь это продам?! С двумя плевками — это ни в какие ворота! Это вне философского контекста! Кто плюнул в духовность вторым, я вас спрашиваю?!

— Человек! — подсказал Александр.— Человек вполне способен плюнуть на духовность.

— Да не на духовность, а на Духовность! — сказал художник уже без гнева и принялся рассматривать плевков Александра.

— Простите, а как у вас получается говорить и с маленькой, и с большой буквы? — попыталась подольститься к художнику Зинаида.

— Вам не понять,— грустно ответил художник и плюнул с досады.

Затем лицо его озарилось, и он принялся заплевать пол вокруг инсталляции.

— Але, мужчина! Чего происходит? — встревожился Александр.— Что за вандализм?

— Это все заиграет.... Не каждый может попасть в духовность.... — забормотал художник,— и только Бог и еще один... А, нет — семеро! По количеству грехов...

— Зинаида, пойдем,— шепнул Александр.— Не станем мешать Мастеру.

— Видели, Александр, какие люди есть? — назидательно спросила Зинаида.— Богом в макушку поцелованные. Талантливые. Из всего творят Прекрасное!

— Ну это вне обыденности,— возразил Александр.— В обыденности это на штраф тянет.

— Вы не понимаете ничего в Искусстве! — поджала губы Зинаида.

— А вы в этом всем понимаете? — восхищенно спросил Александр, указывая на двух голых женщин с транспарантом «Нет сносу нарядам».

— Нет, конечно. Но мне же нетрудно подойти к предмету и восхищенно сказать: «Ца-ца-ца».

Александр чеканным шагом прошел к одной из картин на стене, покачал восхищенно головой и сказал:

— Зиночка, полюбуйтесь-ка вот на это!

Зиночка подошла и неуверенно сказала:

— Боже, какой выразительный образ! На Пугачеву похоже!

— Только лицо! — обиделся художник.— Его я из журнала вырезал. Остальное все от Нади Команечи. Это называется «Прыжки и вой». Неужели непонятно?!

— Ца-ца-ца... — восхищенно процокали Александр с Зинаидой.

ЗАЙКА

Ночью перед подъездом на асфальте появилась надпись: «Зайка, я люблю тебя!» Белой эмалевой краской поверх небрежности трудов дворника. Все шестьдесят женщин подъезда зайкового возраста (от десяти до шестидесяти лет) в это утро выглядели загадочнее черных дыр космоса. На лице каждой читалась абсолютная уверенность, что послание адресовано именно ей.

— Как это трогательно,— умилилась одна из женщин.— Настоящий мужчина и романтик растет. Я-то думала, так сейчас не ухаживают.

— И не говорите,— подхватила другая.— И только одна-единственная знает, что это написано только для нее.

— Уж она-то точно знает! — залилась румянцем первая.— Но не расскажет никому.

— Это моей Машке писали,— заметил мельком отец одной из гипотетических заек.

— Ну-ну. Ошибок-то нет! — возразили женщины.— Запятая где положено, и «тебя» через Е, а не через И.

— Ну так и почерк ровный,— возразил глубоко уязвленный отец.— Не слепой человек, видимо, писал. Так что и не вам, вероятно.

Так, слово за слово, разгорелся конфликт полов, поколений и социальных слоев. С мордобоем, матом и разорванными бусиками. Приехавший наряд милиции полюбовался с полчаса на побоище заек подъезда и только потом разнял всех.

С утра надпись изменилась. Кто-то уточнил данные, и теперь надпись была более конкретной «Зайка с 6-го этажа, я люблю тебя». Зайки с остальных этажей почувствовали себя до крайности оскорбленными в лучших чувствах.

— Это ж надо такой сволочью быть,— сообщила экс-зайка лет сорока с пятого этажа.— Разрисовывать-то — оно ума много не надо. Подарил бы цветов, что ли.

— И не говорите,— поддержала еще одна развенчанная, с расцарапанным еще вчера во имя романтики лицом.— Взял бы да разметку нанес вместо этих каракулей. Раз уж краски много.

Зайки с шестого этажа свысока поглядывали на всех и мечтательно смотрели вглубь себя. Эту мечтательную задумчивость не оценил муж одной из заек. Он хотел было попенять супруге на недостойное поведение, но увлекся и попинал бедную женщину, к вящему удовольствию всех остальных заек подъезда

На следующий день надпись закрасили, и на белом фоне черной краской появилось «Мильпардон, ошибка. С пятого этажа зайка-то! Люблю тебя».

С шести утра начали подтягиваться зрители из соседних подъездов. И не зря. Ровно в семь у подъезда напрасно обиженная женщина с шестого этажа надавала пощечин своему несдержанному мужу за то, что он козел ревнивый. Мужчина виновато пыхтел и с ненавистью поглядывал на буквы на асфальте. Женщине рукоплескали все остальные дамы двора, вкладывая все свои обиды на спутников жизни в овации. Мужчины сочувствовали лицом и жестами, но сказать что-то вслух не осмеливались.

— Ишь как под монастырь подвел всех, — вздохнул какой-то мужчина лет пятидесяти. — Нет чтоб по секрету на ушко сказать зазнобе своей. Так нет — надо народ баламутить.

— А ты своей на ушко каждый день говори — она и не взбаламутится, — парировала соседка.

— А мне, допустим, никто не говорит ничего уже лет двадцать пять — и ничего. Не помер пока, — виновато пробурчал мужик.

— То-то и оно, — покачала головой женщина и вернулась к зрелищу.

— На пятом-то незамужних баб нету! — вдруг выкрикнул один из мужчин.

— А что ж, в замужнюю влюбиться нельзя уж никому? — взъярились женщины пятого этажа. — Рожей не вышли, что ли? Что ты молчишь, а? Твою жену уродиной обзывают, а ты? Так и будешь стоять?

Приехавший наряд полиции вызвал подмогу, и уже тремя экипажами они гоготали и делали ставки. После всего разняли дерущихся и оформили двадцать три административных нарушения за драку.